СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика.
Маленькие ключи к большим грязным секретам . . . 10

Благодарности 31

Глава 1. Микросоциология насильственных конфронтаций 33

Насильственные ситуации 34

Микросвидетельства: ситуационные записи, реконструкции и наблюдения 38

Сравнение ситуаций между разными типами насилия . . 47

Мифы о драках 51

Насильственные ситуации формируются эмоциональным полем напряженности и страха 67

Альтернативные теоретические подходы 69

Историческая эволюция социальных техник контроля над конфронтационной напряженностью 79

Источники 89

Краткий обзор содержания книги 94

Взаимодополняемость микро- и макротеорий 97

Часть I. Грязные секреты насилия

Глава 2. Конфронтационная напряженность и неумелое насилие 102

Храбрые, умелые и равные по силам? 103

Ключевая реальность: конфронтационная напряженность . 107

Напряженность/страх и уклонение от сражения во время войны 109

Низкий уровень боевых навыков 132

Дружественный огонь и попадания по случайным целям . 137

Удовольствие от битвы: в каких условиях это происходит? . 150

Континуум напряженности/страха и эффективность в бою . 154
Конфронтационная напряженность в насильственных столкновениях с участием полиции и вне военных действий 159
Чего боятся люди? 164
Глава 3. Наступательная паника 183
Конфронтационная напряженность и ее разрешение: горячка, навал, чрезмерное насилие 193
Зверства на войне 201
Необходимое разъяснение: множественность причин чрезмерной жестокости 209
Асимметричная вовлеченность при наступательной панике и жертвы, охваченные параличом 214
Наступательная паника и дисбаланс потерь в пользу одной из сторон в решающих сражениях 218
Чрезмерная жестокость в мирное время 233
Насилие в толпе 240
Демонстранты и силы, контролирующие толпу 248
Мультипликатор толпы 257
Альтернативы наступательной панике 264
Глава 4. Нападение на слабого: I. Домашнее насилие . 267
Эмоциональное определение ситуации 268
Фоновые и фронтальные объяснения 270
Жестокость по отношению к самым слабым: временны́е паттерны от нормальной ситуации до крайнего насилия . . 272
Три траектории: нормальный ограниченный конфликт, резкая наступательная паника и режим запугивающих пыток 282
Согласование приемов взаимодействия для насилия и виктимности 294
Глава 5. Нападение на слабого: II. Травля, уличный бандитизм и вооруженные ограбления 308
Континуум тотальных институтов 324
Уличный бандитизм и разбойные нападения 340
Нажива на слабости во взаимодействии 361

Часть II. Тщательно упорядоченное и постановочное насилие

Глава 6. Постановка честных поединков 370

Герой против героя 372

Поддержка публики и границы насилия 380

Школы единоборств и манеры ведения поединков . . . 396

Демонстрация риска и манипуляция опасностью в дуэлях на шпагах и пистолетах 404

Закат элитных дуэлей и вытеснение их перестрелками . . 419

Честь без честности: вендетты как цепочки несбалансированных поединков 426

Эфемерная ситуационная честь и скачкообразные эскалации, приводящие к «одностовольным» поединкам 431

Что находится за фасадом чести и неуважения? 437

Культурный престиж поединков по правилам и без правил . 452

Глава 7. Насилие как забава и развлечение 460

«Моральные каникулы» 462

Мародерство и разрушения как главные движущие силы участия в «моральных каникулах» 466

Буйные вечеринки как элитный потлач 482

Зоны разгула и насилие, обусловленное ограничениями допуска 487

Насилие как сопротивление окончанию разгула 494

Разочарование от разгула и активизация коллективного бурления 497

Парадокс: почему алкогольное или наркотическое опьянение в большинстве случаев не приводит к насилию? 501

Ограничение «одна драка в одной точке» 513

Поединки как «движуха» и веселье 521

Потешные бои и слэмы 527

Глава 8. Насилие в спорте 536

Спортивные состязания как драматически выстроенные конфликты 538

Динамика игры и насилие, осуществляемое спортсменами . 542

Победа при помощи практических навыков, порождающая доминирование в эмоциональной энергии . 559
В какие моменты происходит насилие между спортсменами: драки из-за разочарования в поражении и драки в переломные моменты игры 570
Насилие со стороны зрителей спортивных матчей 580
Насилие болельщиков за пределами спортивных арен: беспорядки, связанные с победами и поражениями . . . 587
Насилие на выездных матчах как изощренный набор приемов: футбольные хулиганы 596
Драматическое локальное конструирование антагонистических идентичностей 612
Мятеж зрителей в эпоху господства шоу-бизнеса 618

Часть III. Динамика и структура насильственных ситуаций

Глава 9. Как начинаются — или не начинаются — поединки 632
Пререкания, не выходящие за пределы нормы: сетования, нытье, перепалки, ссоры 634
Бахвальство и пустые угрозы 648
Уличный кодекс: шумиха и угрозы в институционализированном виде 654
Траектории, ведущие в туннель насилия 677
Глава 10. Элита насилия 695
Малочисленность активных и грамотных субъектов насилия 695
Лидеры конфронтации и искатели «движа»: полиция . . 704
Кто побеждает? 716
Нахождение в зоне поединка и «гололед схватки»: микроситуационные приемы доминирования во взаимодействии 748
9/11: схватка в кабине пилотов 764
Глава 11. Насилие как доминирование в пространстве эмоционального внимания 770
Чем занята остальная часть толпы? 770

Насилие без зрителей: профессиональные убийцы и конспиративное насилие 796
Минимизирующая конфронтацию тактика террористов . . 813
Ниши насилия в конфронтационном пространстве внимания 823
Глава 12. Эпилог: практические выводы 853
Приложение. Глоссарий спортивных терминов, используемых в книге 861
Термины американского футбола 861
Термины бейсбола 862
Библиография 866
Примечания 901
Именной и географический указатель 1002

Глава 1

МИКРОСОЦИОЛОГИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ КОНФРОНТАЦИЙ

Насилие удивительно многообразно. Оно может быть кратким и эпизодическим — в качестве примера можно привести пощечину, — но может принимать масштабный и организованный характер, как в случае войны. Насилие может быть страстным и гневным (ссора) — или безразличным и обезличенным (бюрократ, управляющий газовыми камерами). Насилие может происходить навеселе, как во время пьяного разгула, вселять страх наподобие того, что испытывают солдаты в сражении, и иметь злонамеренный характер, когда за него берутся мучители. Оно может совершаться тайком и скрытно, как в случае убийств, сопровождаемых изнасилованием, или публично, в виде ритуальной казни. Насилие — это и развлечения с заранее предусмотренной программой наподобие спортивных состязаний, и сюжетное напряжение драмы, и экшен в приключенческом боевике, и шокирующие сюжеты как неотъемлемая составляющая выпусков новостей. Ужасное и героическое, отвратительное и захватывающее, самое осуждаемое и самое прославляемое из человеческих деяний — все это насилие.

Между тем все это бескрайнее множество проявлений насилия можно объяснить с помощью сравнительно компактной теории. Условия для того, когда и как имеют место различные формы насилия, обеспечиваются несколькими ключевыми процессами, которые протекают в сочетании друг с другом и с разной степенью интенсивности.

Наше исследование будет строиться вокруг двух соображений. Во-первых, в центре исследования будет находиться

взаимодействие, а не отдельно взятый человек, социальное происхождение, культура или даже мотивация. Иными словами, мы предпримем поиск характерных особенностей ситуаций, в которых происходит насилие, а следовательно, обнаружим данные, которые максимально приближают к механизмам подобных ситуаций. Во-вторых, мы проведем сравнение различных видов насилия. Для этого нам придется порвать с привычной категоризацией (где убийства оказываются специализацией одних исследователей, войны — других, жестокое обращение с детьми — третьих, а полицейским насилием занимается кто-то еще) и предпринять поиск ситуаций, случающихся в рамках разных видов насилия. Дело не в том, что все ситуации одинаковы, — напротив, нам предстоит сравнить диапазон вариаций в ситуациях, от которых зависит, какого рода насилие произойдет и в каком объеме. В результате широкий спектр проявлений насилия превращается в методологическое преимущество, дающее ключи к пониманию обстоятельств, объясняющих то, когда и каким образом разворачивается насилие.

Насильственные ситуации

В центре микросоциологической теории насилия находятся не отдельные лица, совершающие насилие, а ситуации, в которых оно происходит. Наша задача — предпринять поиск контуров тех ситуаций, которые формируют эмоции и действия вступающих в них индивидов, тогда как заниматься поиском различных типажей совершающих насилие лиц — типажей, неизменных в разных ситуациях, — означает взять неверный след. В этом направлении и так было предпринято огромное количество исследований, однако они не принесли слишком уж убедительных результатов. Например, можно согласиться, что к совершению многих видов насилия наиболее склонны молодые мужчины. Однако это утверждение применимо не

ко всем молодым мужчинам, к тому же насилие в располагающих к этому ситуациях осуществляют и мужчины среднего возраста, и дети, и женщины. Аналогичным образом обстоит дело и с фоновыми переменными — такими социально-демографическими характеристиками, как бедность, расовая принадлежность, происхождение из семьи, где родители развелись или был всего один родитель. Между этими переменными и определенными разновидностями насилия существуют некоторые статистические корреляции, однако их недостаточно для предсказания большинства случаев насилия — по меньшей мере в трех аспектах.

Во-первых, большинство молодых мужчин, бедных, чернокожих или детей разведенных родителей, не становятся убийцами, насильниками, громилами или участниками вооруженных ограблений — и наоборот: среди тех, кто совершает перечисленные виды насилия, обнаруживается немало состоятельных людей, представителей белой расы или выходцев из полных семей. Аналогичным образом широко распространенное объяснение, согласно которому совершающие насильственные действия лица, как правило, сами когда-то в детстве были жертвами жестокого обращения, относится лишь к незначительно меньшей части случаев[1].

Во-вторых, подобный анализ дает некую правдоподобную картину этиологии[2] насилия лишь потому, что зависимая переменная в нем ограничивается определенными разновидностями противозаконного или в значительной степени стигматизированного насилия, — однако указанный подход не выдерживает критики, если расширить спектр до всех разновидностей насилия. Такие факторы, как бедность, напряженные отношения в семье, жестокое обращение в детском возрасте и т. п., не объясняют ни насилие со стороны полиции, ни то, какие солдаты совершают больше всего убийств противника в бою, ни то, кто именно управляет газовыми камерами или совершает этнические чистки. Доказательств,

что из-за жестокого обращения в детстве человек может стать полицейским-ковбоем[3], загульным пьяницей или увенчанным орденами героем войны, не привел еще никто. Несомненно, кое-кому из читателей этой книги такое предположение придется не по нраву, ведь для тех, кто разделяет противоположное мнение, насилие естественным образом распадается на герметично закупоренные сегменты — при этом за «плохое» насилие должны нести ответственность «плохие» социальные условия, тогда как «хорошее» насилие (которое вообще не рассматривается как таковое, если оно совершается уполномоченными государственными агентами) не подлежит анализу, поскольку является частью нормального социального порядка. При таком образе мыслей появляется некая промежуточная категория безобидного или «озорного» насилия (то есть выходящего из-под контроля кутежа), или насилия, совершаемого «хорошими» людьми, — такое насилие объясняется или оправдывается иным набором моральных категорий: «это другое». Подобные разграничения представляют собой хороший пример того, как конвенциональные социальные категории мешают социологическому анализу. Если же как следует сосредоточиться на самой ситуации взаимодействия — представим себе разъяренного друга молодой матери с плачущим младенцем, вооруженного грабителя, который нажимает на спусковой крючок оружия, направленного на жертву налета, или полицейского, избивающего подозреваемого, — то мы сможем разглядеть паттерны конфронтации, напряженности и эмоционального потока, лежащие в основе конкретной ситуации, в которой совершается насилие. Такой подход вновь позволяет увидеть, что фоновые условия — бедность, расовая принадлежность, детские переживания — являются далеко не решающим фактором для динамики конкретных насильственных ситуаций.

В-третьих, даже те лица, которые совершают насилие, занимаются этим лишь в течение небольших промежутков

времени. Давайте задумаемся над тем, что имеется в виду, когда мы утверждаем, что тот или иной человек склонен к насилию (violent) или «очень агрессивен». Нам приходят на ум люди, которые были осуждены за убийство или совершили серию убийств, участвовали во множестве драк, резали других людей ножом или мутузили их кулаками. Но если учесть, что повседневная жизнь разворачивается в виде цепочки ситуаций, минута за минутой, то на протяжении большей части этого потока времени присутствие насилия очень незначительно. Этот момент становится явным благодаря этнографическим наблюдениям, причем даже тем, которые выполнялись в городских районах с очень плохой статистикой по насилию. Уровень убийств в 10 человек на 100 тысяч населения (пиковая статистика для США, зафиксированная в 1990 году) — это достаточно высокий показатель, однако он в то же время означает, что 99 990 человек из 100 000 не подвергаются убийству за отдельно взятый год, а 97 000 из 100 000 (опять же, если обратиться к пиковым данным) не становятся жертвами нападений даже в ходе незначительных инцидентов. Кроме того, эти насильственные инциденты «размазаны» по всему году, поэтому вероятность того, что конкретный человек в конкретный момент времени конкретного дня этого года подвергнется убийству или нападению, очень мала. Все сказанное справедливо даже применительно к тем лицам, которые в течение года действительно совершают одно или несколько убийств, нападений, вооруженных ограблений или изнасилований (или, раз уж на то пошло, к полицейским, избивающим подозреваемых). Даже те люди, которые в статистическом смысле совершают много преступлений, едва ли делают это чаще, чем примерно раз в неделю. Самые нашумевшие массовые убийства в школах, на рабочем месте или в общественных местах, совершенные одиночками, уносили жизни не более 25 человек — правда, это, как правило, происходило в рамках одного эпизода [Hickey 2002; Newman

et al. 2004][4]. С наибольшей регулярностью насильственные действия совершают серийные убийцы, которые в среднем убивают от шести до тринадцати человек в течение нескольких лет. Однако эта разновидность убийств встречается крайне редко (примерно одна жертва на 5 миллионов человек), и даже такие киллеры-рецидивисты делают перерывы между убийствами на несколько месяцев, выжидая подходящей ситуации для нанесения удара [Hickey 2002: 12–13, 241–242]. Еще одна редкая нишевая разновидность насилия — череда последовательных преступлений — может продолжаться в течение нескольких дней в виде цепочки эпизодов, тесно связанных между собой эмоциями и обстоятельствами, формируя в итоге то явление, которое далее будет именоваться туннелем насилия. Но сейчас хотелось бы оставить в стороне эти длительные последовательности насильственных действий и сделать акцент на следующем выводе: даже те люди, которых мы считаем чрезвычайно склонными к насилию — потому, что они не раз совершали насильственные действия или же демонстрировали впечатляющую жестокость по какому-нибудь поводу, — являются таковыми только в очень специфических ситуациях[5]. Даже самые брутальные громилы какое-то время не занимаются своим промыслом, а самые опасные и склонные к насилию лица не совершают никаких насильственных действий на протяжении большей части времени. И даже для этих лиц ключевым моментом для объяснения того, какое именно насилие они действительно совершают, является динамика конкретных ситуаций.

Микросвидетельства: ситуационные записи, реконструкции и наблюдения

Если исходить из данных опросов отдельных людей, то наши теоретические построения будут ориентироваться на характеристики индивидов, облаченные в термины стандартных

социологических переменных. Поэтому для того, чтобы перейти к такой социологической теории, в центре которой находятся не лица, совершающие насильственные действия, а ситуации насилия, необходимо сделать акцент на ином способе сбора и анализа данных. Чтобы зафиксировать процесс насилия в том виде, в котором оно действительно совершается, нам потребуется непосредственное наблюдение за насильственным взаимодействием. Наши теоретические конструкции ограничиваются тем, что основываются на двух специфических типах данных. Во-первых, это статистика, которая собирается постфактум, а затем «упаковывается» системой уголовного правосудия, а во-вторых, это интервью с осужденными или другими фигурантами интересующих нас ситуаций. Опросы потерпевших позволяют сделать шаг в правильном направлении, однако они остаются несовершенным инструментом. Причем — не только потому, что мы можем лишь гадать, в какой степени жертвы говорят правду, ведь здесь появляется еще одна проблема: люди, как правило, плохо запоминают детали и контекст драматических событий. В нашем обыденном дискурсе отсутствуют языковые средства, с помощью которых можно делать добротные описания микровзаимодействия, — напротив, обыденный дискурс предоставляет набор штампов и мифов, которые заранее предопределяют, что именно будут говорить люди. То же самое можно утверждать и о насилии, происходящем во время войн, массовых беспорядков, спортивных состязаний и даже обычных ссор. Когда участники насильственных ситуаций рассказывают о них, они, как правило, представляют весьма урезанную и идеализированную в соответствии с их собственными представлениями версию происходившего.

Последние десятилетия стали новой эпохой в изучении насилия, поскольку появилась возможность исследовать его в том виде, в каком оно фиксируется на видеозаписях, полученных с помощью систем безопасности, полицейских камер,

а также при съемке новостных сюжетов и любительского видео. Обычных зрителей просмотр таких записей, как правило, шокирует. В качестве примера можно привести массовые беспорядки, которые произошли в Лос-Анджелесе после обнародования видеозаписи ареста человека по имени Родни Кинг, сделанной в 1991 году оператором-любителем с помощью новой портативной видеокамеры. События всегда интерпретируются в терминах господствующих идеологических категорий, и соответствующие формулировки незамедлительно обнаружились — избиение на расовой почве. Однако в истории с Родни Кингом шокировал не расовый аспект происходившего на видеозаписи, а само избиение, которое выглядело совершенно не так, как, по нашему мнению, должно выглядеть насилие. Визуальные свидетельства насилия демонстрируют нам нечто такое, что мы не готовы увидеть. Если обратиться к широкому спектру инцидентов, к множеству различных этнических комбинаций как внутри, так и поверх границ этнических групп (некоторые из них мы рассмотрим в главах 2 и 3), то мы обнаружим во многом одну и ту же картину. Расизм может вносить свою лепту в нагнетание отдельных ситуаций, в которых происходит насилие, но он является лишь одним из ряда вводных условий — причем ни необходимым, ни достаточным. Между тем насильственная ситуация сама по себе обладает более глубокой динамикой, нежели расизм.

Насилие в том виде, в каком оно проявляется в реальных жизненных ситуациях, определяется переплетением таких человеческих эмоций, как страх, гнев и возбуждение, и происходит это в прямом противоречии конвенциональной морали, соответствующей нормальным ситуациям. Именно это шокирующее и неожиданное свойство насилия, которое в реальных ситуациях фиксирует холодный взгляд камеры, предоставляет ключ к эмоциональному механизму, занимающему центральное место в микроситуационной теории насилия.